

10 июня 1951 года

Горький! Без этого имени невозможно представить себе нашу эпоху, общественную жизнь России от девятидесятых годов прошлого века до сего дня, русскую и мировую литературу, все, что отмечено знаком человечности, страстью изменить мир к лучшему, ненавистью к зверским законам торгашеского общества. Горький! Это имя прозвучало во всем мире как имя и символ Человека, как знамя справедливости и гуманизма. Алексей Максимович Пешков, человек великой души, ходил по свету, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, чтобы рассказать людям о людях, звать их на борьбу.

Сейчас, на площади, этот Человек, несравненный писатель России и человечества, словно опять живет с нами. Его изваяние покрыто серым полотнищем, из-под которого виден лишь край отполированного гранита. Перед еще неувиденным его обликом стоит красная трибуна, и на площади перед ним выстроились колонны его читателей. Среди них есть и те, кто был ему ровесником и современником, кто видел и слышал его, есть и те, кто лишь недавно раскрыл живые, как глаза рассказчика, горьковские страны.

Мне выпало счастье видеть и слышать Горького в поздние годы его жизни. И сейчас, когда я слушаю своих товарищей по писательскому делу, говорящих перед памятником, я вспоминаю самого Горького на трибуне нашего первого писательского съезда. Я вспоминаю овал, которая долго мешала ему говорить, помню его многозначительный кашель, как бы объяснявший съезду, что пора бы и утихомириться, и, наконец, помню тишину и медленную с расстановкой его речь, учившую нас ценить высокое писательское призвание, учившую нас великой науке служить людям.

Здесь, на площади, у трибуны, обтянутой красным, именно таким я вспомнил Горького, хотя редко он выступал как оратор. В этой речи он необычайно точно и ясно определил пути и задачи развития советской литературы и искусства. Я помню его замечательные слова, произнесенные с трибуны съезда: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека, ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью».

Как современны эти чудесные слова одного из прозорливейших людей нашего века, как близки они нам в годы строек коммунизма, в годы переделки природы по сталинскому плану!

Как точны были и его слова—приговор разложившемуся искусству и литературе капиталистического мира:

«Мы выступаем в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии,—отчаяния, вызванного осущением ее идеологического бесилия, ее социального банкротства, в эпоху ее кровавых попыток возвратиться, путем фашизма, к изуверству феодального средневековья». И гордое заявление, которое звучало как девиз всей передовой литературы человечества—нашей советской и зарубежной, революционной:

«Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм...». Эта речь и облик великого Максима Горького вспомнились мне, когда Александр Фадеев открывал митинг перед изваянием, покрытым серым полотнищем, под голубым июньским небом, полузадернутым

облаками, на площади Белорусского вокзала, заперженной колоннами людей многих профессий—писателями, артистами, игравшими пьесы Горького, студентами, изучающими его творчество, и всеми нами—советскими людьми, страстными его читателями. По всей площади на щитах горят его слова, вынутые как драгоценности из оправы его рассказов, повестей, статей...

Но вот под звуки гимна нашей Родины упало серое полотнище, и на постаменте возник Человек, Алексей Максимович Пешков, великий писатель Максим Горький. И он будто был жив в эту секунду своего нового появления. Будто сейчас он произносил написанное на красных щитах:

«Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства».

«Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы...».

В первое мгновение казалось, что он шагнет вместе с нами дальше, в следующий день, такой же советский человек, как мы, только выше нас и больше нас тем, что им сделано для Родины и всех людей на свете...

Взглянув на его знакомую и верно выраженную скульптором фигуру, в пальто, с тростью и широкополой шляпой, я мысленно увидел его путь по России, увидел незримо окружающих его бесчестных героев горьковского творчества. Это были не сдающиеся и ищущие правды и освобождения от мерзости старого мира—Дойко-Зобар, Данко с пылающим сердцем, Мальва, Варенька Олесева, Кувалда... Видел я и Сокола, взвившегося над его высоко поднятой головой, но не было уже, ползающих под его ногами... Перед великим писателем стояли люди нового мира, люди ленинско-сталинской России, очистившиеся от скверны прежних рабских лет, свободные от купеческого хамства и жандармского окрика, свободные от нищеты, свободные в свободной стране—тордые люди, созидющие коммунизм.

И эти люди, поистине воспитанники Горького, юноши и девушки, принесли цветы к его изваянию. Мы стояли, обнажив головы.

В большой светлой комнате за длинным столом некогда сидели мы—еще молодые поэты и писатели—и с нами разговаривал Алексей Максимович. Он расспрашивал каждого и, внимательно выслушав, вступал с каждым в разговор. За высокими окнами дома в Горках цвел июньский сад. На клумбах—цветы. Теперь такие же цветы лежат у подножья памятника, а наши головы обнажены и седы.

И еще. Я шел с площади и думал о стране, которая назвала главную магистраль столицы именем великого писателя, а площади на этой магистрали именами двух великих поэтов прошлого и нынешнего века. Какое великое уважение к творчеству, к поэзии, к вдохновению, к мысли! Как необыкновенно живо звучит его восклициание:

«Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».

Эта воля чудодейственно преобразовала нашу страну, и эта железная воля объединяет во всем мире вокруг знамени гуманизма людей труда и творчества, защитников мира и правды. Эта воля воздвигла для нас и наших потомков памятник великому писателю.

И колонны уходят, повторяя бессмертное напутствие творца бессмертных человеческих образов:

«Человек — это звучит гордо!».

«Прекрасную жизнь строите вы. Счастливы сказать вам это от всей души».

Семен КИРСАНОВ.